

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

П. П. ИВАНОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАРАКАЛПАКАХ

Исторические заметки¹

I

Дореволюционная историческая литература о каракалпаках сводилась к нескольким кратким словарным заметкам и случайным попутным замечаниям тех или иных авторов. Несмотря на исключительную скудность находившегося в распоряжении исследователей фактического материала, вопрос о привлечении новых источников не ставился.

Лишь несколько лет тому назад Институтом востоковедения Академии Наук СССР была впервые предпринята коллективная работа, задачей которой являлись, с одной стороны, суммирование и систематизация разбросанного в различных изданиях материала, с другой, — изучение ряда первоисточников, с целью извлечения из них новых, еще не вошедших в научный оборот, фактических данных.

Результатом работы явился сборник «Материалы по истории каракалпаков», изданный Академией Наук СССР в 1935 г.²

Наряду с различного рода фактическими материалами, относящимися преимущественно к периоду XVIII—XIX вв., в сборник вошло также исследование автора, посвященное критическому изложению важнейших доступных нам фактов истории каракалпаков с древнейших времен до 1873 г.³

В работе, между прочим, отмечалось, что опубликованные Институтом востоковедения материалы «ни в какой мере не могут претендовать на исчерпывающую полноту, даже в пределах принятых здесь хронологических рамок (XVIII—XIX вв.) и могут рассматриваться лишь как начало обширной работы, которая в дальнейшем предстоит в этом направлении».⁴

Ряд важнейших вопросов, связанных с прошлым каракалпакского народа, до сих пор остается открытым. До настоящего времени остается невыясненным, например, вопрос о том, к какому времени относится оформление каракалпакского родо-племенного союза и сложение его в народность в ее современном социально-этническом составе. В такой же мере невыясненным остается пока вопрос об условиях исторической жизни каракалпаков до появления их на территории Средней Азии. Вопросы социально-экономической и культурной жизни каракалпаков на протя-

¹ В основу статьи положен доклад, читанный автором в заседании исторической сессии Академии Наук СССР в Москве, в июне 1937 г.

² Труды Института востоковедения АН, т. VII, М.—Л., 1935.

³ П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков. Там же, стр. 9—89. В 1938 г. «Очерк» был переведен в Турции. Печатался в журнале «Ülkü» (1938, № 65 и сл.).

⁴ Там же, стр. 43.

жении даже последнего столетия освещены имеющимися материалами чрезвычайно скудно.

В течение последних лет автору настоящей работы заниматься специально историей каракалпаков не приходилось, вследствие чего излагаемый ниже материал об этом народе попадался ему лишь попутно и не является поэтому особенно значительным. Не касаясь той части накопившегося материала, которая имеет или слишком частное значение или нуждается в дальнейших дополнительных изысканиях, автор в данном случае имеет в виду коснуться лишь некоторых моментов, представляющих наиболее общий интерес. К числу такого рода общих вопросов относится, в частности, вопрос о времени появления каракалпаков на территории Средней Азии, не получивший пока своего окончательного разрешения в имеющейся специальной литературе.

До сих пор лишь можно было считать твердо установленным, что появление каракалпаков на среднеазиатской территории должно быть отнесено ко времени не позже конца XVI ст., так как первое упоминание о них встречается в среднеазиатских источниках под 1598 г. Находились в это время каракалпаки в низовьях р. Сыр-дарьи, в районе г. Сыгнака.¹

В настоящее время можно почти с полной уверенностью утверждать, что в начале XVI в. каракалпаков в указанном районе еще не было.

Основанием для такого утверждения может служить недавно обнаруженная в Ташкенте рукопись сочинения, написанного, повидимому, вскоре после 1510 г. хорасанским ученым Фазлуллахом Рузбеханом и известного под названием «Михман-намэ».

Лично участвуя в походе узбекского хана Мухаммеда Шейбани (1500—1510) в казахские степи, именно в район низовьев Сыр-дарьи в 1509 г., автор указанного сочинения дает нам чрезвычайно подробное описание всех пройденных им мест и, в частности, района Сыгнака, ни одним словом не обмолвившись при этом о каракалпаках. В одном из мест рукописи подробно описывается, например, нападение Шейбани-хана на окрестности Сыгнака, где было разграблено при этом свыше 10 тыс. семейств казахов,² однако о каракалпаках здесь никаких упоминаний не встречается.

Если бы каракалпаки занимали в это время район Сыгнака или находились где-либо поблизости, автор Михман-намэ, внимательно изучавший и описывавший новый для него край, разумеется, не обошел бы их молчанием. Не встречается упоминаний о каракалпаках также в более ранних сочинениях, описывающих район низовий Сыр-дарьи, например в хрониках-поэмах, посвященных описаниям подвигов Шейбани-хана в конце XV в., или в истории Абул-хайр-хана (1428—1468).

Все это, вместе взятое, позволяет утверждать, что появление каракалпаков на Сыр-дарье должно быть отнесено к более поздним годам XVI в. Это же отчасти подтверждается и другими данными, изложенными в цитировавшейся выше моей работе.

В связи с начавшейся в XVI в. московской экспансией в низовья Волги и далее на восток, ногайский улус, в состав которого в XV—XVI вв. должны были входить и каракалпаки, утрачивает свою военно-политическую мощь и распадается. Часть ногайцев окончательно подчиняется московскому правительству, часть уходит в Крым, а остальные передвигаются на восток,

¹ Подробнее об этом см. «Очерк» (стр. 33 и сл.).

² См. рукопись указанного сочинения Гос. Публичной библиотеки УзССР в Ташкенте, лл. 111а—111б. Другой известный список данного сочинения находится в Стамбуле.

в район Яика и Эмбы. С последней группой ногайцев, носившей название «алтыгульцев» (алтыгулы), были тесно связаны и каракалпаки, также вынужденные постепенно передвигаться на юго-восток, пока они не достигли, наконец, низовьев Сыр-дарьи.

В это время, повидимому, каракалпаки окончательно выходят из состава ногайского объединения и селятся по соседству с казахами, состав которых в это время (XVI в.) вообще значительно пополняется за счет выходцев из ногайских степей. Это произошло, повидимому, уже во второй половине XVI в.¹

Любопытно отметить, что народное предание самих каракалпаков, записанное П. Рычковым еще в XVIII в., утверждает, будто каракалпаки получили свое современное название лишь после того, как они поселились на Сыр-дарье. Остановившись в устьях Сыр-дарьи, каракалпаки, по словам предания, «усмотрели тут способные места, на которых и расположились; живучи ж тут, они от солнечного жару, а особливо якобы сожалее о прежних своих весьма привольных местах, как мужеск, так и женск пол, носили на головах своих к а р а к а л п а к и, т. е. черные шляпы, от чего и звание свое получили».²

Приняв на веру это предание, мы должны были бы допустить, что до появления на Сыр-дарье каракалпаки еще не носили своего современного названия и что они, возможно, назывались по имени одного из ногайских подразделений. Такой взгляд привел бы нас к заключению о тождестве каракалпаков с ногайцами, как это полагал, например, Н. Howorth. Такой взгляд был бы, однако, неправилен прежде всего потому, что русские источники проводят резкое различие между ногайцами (в частности алтыгульцами) и каракалпаками уже в начале XVII в., т. е. еще в тот период, когда часть каракалпаков не успела переселиться на Сыр-дарью, продолжая оставаться вместе с ногайцами в Приуральских степях.³ Разумеется, этого не делалось бы, если бы каракалпаки усвоили свое современное наименование лишь с момента переселения на Сыр-дарью. С другой стороны, на значительную давность этнического термина «кара-калпак», обычно в форме к а л п а к,⁴ указывают как исторические предания некоторых народов Средней Азии, так и отдельные письменные источники.

Остановимся прежде всего на народных преданиях, связанных с упоминанием «калпака» в качестве родоначальника (несомненно, легендарного) некоторых тюркских племен и народов.

Так, в одной из наиболее подробных опубликованных генеалогических таблиц, перечисляющих родоначальников современных киргиз, называется некто «калпак» в качестве одного из отдаленнейших предков киргизского народа.⁵ В родословной туркмен, записанной в Хиве около 1900 г., также упоминается некто Калпак (Ери-Калпак), являющийся, по словам предания, одним из древнейших родоначальников современных каракалпаков и даже будто бы казахов.⁶

¹ Более подробно об этом (со ссылками на документы) см. «Очерк» (стр. 29—31).

² П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Сочинения и переводы, март, 1762 СПб., стр. 327.

³ «Очерк», стр. 39 и сл.

⁴ Как известно, приставка к а р а нередко прибавляется у тюркских народов к названию того или иного племени, не меняя содержания основного этнического термина. Например, в одном и том же сочинении встречается «кыят» и «кара-кыят», «калмак» и «кара-калмак» и т. д.

⁵ Родословная таблица (Кара) Кыргыз, проживающих в Джетисуйской области, и краткая их история составлены В. Н. Дублицким (Алма-Ата, 1923) (см. приложение-таблицу).

⁶ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II. Ташкент, 1902—1903, стр. 66.

По одному из казахских народных преданий кара-калпак также являлся одним из древнейших родоначальников некоторых казахских племен.¹ Калпак в качестве родоначальника современных каракалпаков упоминается также каракалпакским народным преданием.²

Ни в какой степени не будучи склонен рассматривать приведенные народные предания и генеалогии в качестве достоверного исторического источника, я в данном случае имею в виду обратить внимание лишь на тот факт, что предки современных каракалпаков фигурируют в преданиях под именем «калпаков», что, разумеется, связано с неизбежным в подобных случаях олицетворением целого народа в одном вымышленном лице.

В соответствии с такого рода «народными этимологиями», казахи произошли от Казаха, узбеки — от Узбека и т. д., что, как известно, историческими данными не подтверждается.

Необходимо, впрочем, заметить, что форма «калпак» вместо «кара-калпак», в качестве наименования народа, употребляется не только в народных преданиях и, отчасти в современной устной речи, но и в среднеазиатской исторической литературе XVIII—XIX вв., как, например, у бухарского историка середины XVIII в. Мухаммеда Вефа Керминегги,³ а также в хивинских придворных хрониках XIX в. Муниса и Агехи.⁴

В этой же связи заслуживает внимания одно из сообщений историка XI в. Абул-Фазла Бейхаки, употреблявшего в своем сочинении термин «калпак» по отношению к предводителю тюркской гвардии хорезмшахов в первой половине XI в. Рассказывая о некоторых событиях в Хорезме в тот период, когда этой страной управлял хорезмшах Алтунташ, Бейхаки, между прочим, сообщает, что в распоряжении Алтунташа, помимо гулямов, находилось также 7500 чел. всадников, под командой нескольких военачальников, из которых один носил имя «калпак».⁵ Однажды приближенные застали Алтунташа в сильном беспокойстве, вызванном, как оказалось, тем, что гулямы и всадники (буквально «верблюдовожатые»), во главе с калпаком, покинули хорезмшаха и удалились в степь. Алтунташ высказал опасение, что ушедшие изберут себе предводителя («султана») и станут заниматься грабежом. Вскоре, однако, калпак раскаялся в своем поведении, и инцидент был таким образом исчерпан.⁶

Наибольший интерес в приведенном рассказе представляет для нас фигура военачальника, выступающего здесь под именем «калпака». В качестве собственного имени «калпак» у тюркских народов, насколько известно, не употребляется,⁷ вследствие чего можно предполагать, что речь идет скорее о тюркском названии той массы всадников, которую данное лицо возглавляло и по имени которой оно и упоминается у нашего автора.

Следует отметить при этом, что наименование того или иного лица по признаку его этнической принадлежности — явление довольно обычное у восточных авторов.

Академиком В. В. Бартольдом в свое время было отмечено, что в период

¹ Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана, т. I, вып. XVIII, Семипалатинск, 1929 (см. таблицу).

² Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. 4, Асхабад, 1917, стр. 45 (каракалпакский текст).

³ Тарих-и-Рахим-хани, рукопись Института востоковедения АН, С 525, лл. 291а, 299а.

⁴ Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 143, прим.

⁵ The Tarikh-i Baihaki, ed. by W. H. Morley, Calcutta, 1862, p. 852.

⁶ Ibid., p. 853.

⁷ За исключением приводившихся выше легендарных «лиц».

правления Алтунташа Хорезм нередко подвергался набегам со стороны окружающих его кочевников-тюрок.¹

Хорезмшахи иногда принимали к себе на службу часть кочевых племен, повидимому наиболее активных, что в значительной мере облегчало задачу защиты страны от беспокойных соседей.

Как самое имя предводителя, так и то обстоятельство, что Калпак и его конница противопоставляются гулямам, а также, что уход их вызывает у хорезмшаха серьезное беспокойство, показывают, что Бейхаки в данном случае говорит о наемном тюркском войске, которое, уйдя в степь, могло соединиться здесь со своими родичами и произвести совместное нападение на страну.

Период правления Алтунташа замечателен также тем, что в это время на окраинах Хорезма впервые появляются кипчаки, иногда нападавшие на страну, частью принимавшиеся хорезмшахами к себе на службу.² Таким образом, вполне возможно, что упоминаемый в приведенном рассказе Бейхаки «калпак» являлся предводителем одного из кипчакских родовых или племенных подразделений, носивших соответствующее наименование. Возможно также, что впоследствии к названию этого племени стали прибавлять обычную для тюркских племен приставку «к а р а», вследствие чего народ стал известен под названием кара-калпаков, подобно тому, например, как кытаи были известны под именем кара-кытаев. Несмотря на то, что выдвигаемый здесь вопрос о возможном кипчакском происхождении современных каракалпаков находит себе некоторое обоснование также в каракалпакском языке, относимом, как известно, к кипчакской группе тюркских языков, высказанные выше соображения носят все же предположительный характер и нуждаются в более тщательном изучении, для чего необходимо не только подробное исследование соответствующих источников XI в., но и детальное знакомство с дальнейшей историей отдельных кипчакских племен.

Необходимо отметить также, что если принять данную точку зрения, то следует допустить, что каракалпаки пришли в Среднюю Азию не из южнорусских степей, как это утверждали сторонники известной теории о печенежском происхождении каракалпаков, а из бассейна Урала, где данный народ обитал на протяжении всего позднейшего средневековья, вплоть до окончательного распада ногайского кочевого государства в XVI в., о чем уже упоминалось выше.³

Поселившись в XVI в. в низовьях Сыр-дарьи, каракалпаки оказались здесь в окружении казахов, уже прочно к этому времени освоивших все степные пространства к северу от оседлых районов Средней Азии, вследствие чего эти пространства уже в конце XVI — начале XVII в. назывались «К а з а х с т а н о м».

Характер взаимоотношений между казахами и каракалпаками в первый период их совместного пребывания в низовьях Сыр-дарьи известен пока недостаточно. На основании рассказа одного из авторов XVII в., Юсуфа Мунши, мною уже в предыдущей работе⁴ сообщалось о совместных напа-

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 313.

² The Tarikh-i Baihaki, p. 91, 398, 859. См. также: В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 313—314.

³ Совершенно фантастические сведения об отдаленном прошлом каракалпаков изложены в анонимной статье в «Большой советской энциклопедии» (т. 31, 1937, стр. 444), где сообщается о нахождении каракалпаков в III—VII вв. н. э. под властью Ирана и ряд других такого же рода странных измышлений.

⁴ «Очерк», стр. 38—39.

дениях казахов и каракалпаков на оседлые районы Средней Азии и об ответных походах узбекских ханов в казахские степи в первых годах XVII в.

В качестве некоторого дополнения к приводившимся ранее сведениям по этому вопросу можно сослаться в настоящее время также на рассказ другого автора XVII в., Мухаммед Яра, составившего историю царствования узбекского хана Абдуллы (1583 — 1598) и отчасти его преемников из астраханской династии.

Повествуя о борьбе, происходившей в 60—70-х годах XVI в. между ханом Абдуллой и прочими соперничавшими с ним шейбанидами, Мухаммед Яр в числе последних называет некоего Шихим-султана, сына Султан-Мухаммед-султана (внука хана Кучкунджи).

После того как Абдулла истребил всех родственников и союзников Шихим-султана, последний вынужден был некоторое время скитаться при дворах разных правителей и, не получая нигде поддержки, умер в одиночестве.

«Однако, — продолжает наш автор, — каракалпаки во время счастливого правления могущественного султана Вели-Мухаммед-хана (1605—1611) нашли какого-то человека, похожего наружностью на Шихим-султана, и распустили слух о том, что — это настоящий живой Шихим-султан. Они привели этого человека к казахскому султану Абу-Ляису и объявили его здесь ханом. После этого они некоторое время грабили и опустошали окрестности Самарканда. Когда, наконец, выяснилось, что тот человек обманщик, — его убили. После этого все успокоились».¹

Приведенное сообщение Мухаммед Яра важно в том отношении, что оно проливает некоторый свет на чрезвычайно неясный пока вопрос о взаимоотношениях каракалпаков с окружающими их казахами в начале XVII в. Если в излагавшемся выше рассказе Юсуфа Мунши каракалпаки начала XVII в. рассматриваются лишь как соучастники казахов в набегах на соседние районы без каких бы то ни было указаний на существовавшие между ними политические взаимоотношения, то сообщение Мухаммед Яра позволяет нам рассматривать каракалпаков как народ в политическом отношении самостоятельный, действующий независимо от казахов и лишь в какой-то мере связанный с одним из казахских феодалов. Дальнейшее соседство с казахами на протяжении XVII—XVIII вв. хотя и оказало значительное влияние на хозяйственно-политическую жизнь каракалпаков, однако не повлекло за собой ни распыления их среди массы казахского населения, ни окончательного политического подчинения их казахскими феодалами, чего ни в какой мере нельзя сказать, например, про влившиеся в казахскую массу ногайские племена, быстро ассимилировавшиеся казахами. В такой же мере устойчивым оказался и каракалпакский язык, сохранивший в большей или меньшей степени свои особенности, несмотря на испытывавшееся им на протяжении ряда столетий влияние казахской языковой среды.

Борясь с казахскими феодалами за свое господство над массами и стремясь укрепить свою независимость от казахских ханов, каракалпакская правящая верхушка пытается в первых десятилетиях XVIII в. перейти со своим народом в русское подданство, что ни в какой мере не соответствовало интересам казахской феодальной знати. Результатом возникшего на этой почве противоречия явился разгром каракалпакских районов казахским ханом Абул-хайром в 1743 г. и переселение большинства каракалпакского народа в Хиву и отчасти в другие районы Средней Азии.²

¹ Мусаххыр-аль-бияд, соч. Мухаммед Яр, сына Араб-каттагана, рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, С 465, лл. 92а—92б.

² Более подробно об этом см. «Очерк» (стр. 60 и сл.).

Ряд новых документов, относящихся к вопросу о принятии каракалпаками русского подданства в 20-х и 40-х годах XVIII в., опубликован в последнее время Главным архивным управлением НКВД СССР в журнале «Красный Архив» [№ 6 (91) за 1938 г. и № 1 (92) за 1939 г.]. Наряду с различного рода канцелярскими документами, касающимися отдельных более или менее случайных лиц, публикация содержит также значительное число сведений, характеризующих отчасти внутренний быт каракалпакских районов в первой половине XVIII в., и с этой стороны она является весьма ценным дополнением к материалам, опубликованным уже в цитированном выше сборнике Института востоковедения.¹

Было бы весьма желательно, чтобы Архивное управление продолжило свои публикации, ознакомив нас и с более ранними документами (XVI—XVII вв.), если таковые окажутся.

II

Период семидесятилетнего нахождения каракалпаков под владычеством хивинских ханов освещен в имеющейся литературе, как восточной, так и европейской, довольно скудно. Особенно недостаточными сведениями мы располагаем о социально-экономических отношениях внутри каракалпакских районов, занимавших в пределах Хивинского ханства довольно изолированное положение. Лишь в последнее время, благодаря документам открытого автором в Ленинграде архива хивинских ханов, имеется возможность осветить некоторые наиболее темные стороны хозяйственной жизни каракалпаков и, отчасти, наметить особенности существовавших среди них в середине XIX в. общественных отношений.²

Заключая в себе, главным образом, записи доходов и расходов Хивинского ханства, архив содержит в себе чрезвычайно ценный, единственный в своем роде, статистический материал, характеризующий как социально-экономический быт страны в целом, так и положение отдельных народов ханства. Большинство материала относится, разумеется, к районам, где основную массу населения составляли узбеки, однако встречается ряд тетрадей (дефтер), касающихся исключительно или туркмен, или каракалпаков. Только благодаря материалам архива мы можем теперь судить о хозяйственном, в частности, аграрном, устройстве некоторых туркменских племен, проживающих на территории Хивинского ханства, и системе эксплуатации их со стороны хивинских феодалов. В такой же мере подробными являются и сведения о каракалпаках, хозяйственная жизнь которых в этот период, как уже указывалось, освещена в имеющейся литературе чрезвычайно слабо. Из немногих случайных сообщений путешественников середины XIX в. известно, что каракалпаки в рассматриваемое время представляли собою в массе оседлое или полuosедлое земледельческое население дельты Аму-дарьи, жестоко эксплуатировавшееся со стороны как своих собственных, так и хивинских феодалов. Наряду с основным заня-

¹ Несколько неожиданное впечатление производит претенциозная вводная заметка [№ 6 (91), 1938, стр. 225], автор которой (А. Бирзе) пытается всячески замолчать проделанную советскими востоковедами большую и кропотливую, хотя и далеко не законченную еще, работу и уверяет читателя в том, что «по истории каракалпакского народа имеются лишь мелкие отрывочные сведения, разбросанные по разнообразным источникам, не посвященным специально исследованию истории каракалпаков». Комментарии к такого рода «откровениям» автора заметки едва ли в настоящее время требуются.

² Довольно подробные выдержки из хивинских налоговых документов о каракалпаках и, отчасти, казахах приводятся в книге автора — «Архив хивинских ханов» (Л., 1940, стр. 208—232).

тием — земледелием, у каракалпаков определенную роль играло также скотоводство, состоявшее, главным образом, в разведении крупного рогатого скота. Большинство путешественников отзывалось о каракалпаках как о народе трудолюбивом и вместе с тем чрезвычайно бедном. Картина массового обнищания населения была настолько разительна, что один из путешественников конца 30-х годов XIX в. пришел даже к выводу о том, что «здесь все байгуши (бедняки)» и что здесь «нет богатых людей».¹ Другие более внимательные наблюдатели отмечали наличие среди каракалпаков «богатых» и «бедных», замечая в то же время, что понятия о богатстве у каракалпаков «весьма скромны».² В качестве одного из богатых людей автором указывается один из биев, владевший ста танапами земли, десятью «плохими лошадьми», тридцатью штуками рогатого скота и ста баранами.³ Данный пример является почти единственным, где мы имеем кое-какие конкретные цифровые данные, характеризующие имущественное положение одного из каракалпакских биев. Прочие авторы говорят по этому вопросу в общих чертах, не давая сколько-нибудь определенного представления о действительном положении вещей.⁴

Знакомство с хивинским архивом показывает, что все подобного рода рассуждения путешественников лишь в самой отдаленной степени отражают существовавшие среди каракалпаков имущественные отношения. В действительности, классовое расслоение среди каракалпаков носило гораздо более ярко выраженный характер, чем это казалось путешественникам, лишь мимоходом успевавшим собрать кое-какие расспросные сведения по этому вопросу.

Для характеристики землевладения среди каракалпаков имеют значение два хивинских документа, носящие характер земельных кадастров. Цель составления подобных описей, надо полагать, была чисто фискальная — максимально полный учет объектов обложения, что гарантирует нам относительную точность такого рода записей. Один из документов содержит в себе перечень различных каракалпакских племен и родов с указанием количества принадлежавшей каждому из них земли. Всего «измеренных» и распределенных таким образом по родам земель оказывается 213 234 танапа, из которых около 10 тыс. танапов находится во «совместном владении» различных родовых групп племени хытай, около 22 тыс. танапов — во владении племени коюн, около 50 тыс. танапов — во владении племени кипчак и т. д.⁵ Исходя из этой описи, мы должны были бы признать, что среди каракалпаков в середине XIX в. основной, если не единственной, формой землевладения являлось землевладение общинно-родовое, при наличии которого земля является общественной собственностью той или иной родоплеменной группы и принадлежит, следовательно, на равных основаниях всем ее членам. Такого рода заключение, однако, носило бы чисто отвлеченный характер и не отражало бы действительной картины земельных отношений внутри отдельной родоплеменной общины с ее резко выраженной классовой дифференциацией, при наличии крайне неравномерного распределения средств производства. Знакомство с историей аграрных отношений внутри родоплеменной общины узбеков, туркмен и других народов Средней Азии

¹ Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 239.

² Там же, стр. 245, также стр. 79.

³ Там же (танап — около 900 кв. саж.).

⁴ Более конкретные данные о хозяйственном положении каракалпаков начинают появляться в литературе лишь со времени русского завоевания, т. е. с 70-х годов XIX в.

⁵ Документ опубликован мною в тексте и русском переводе в «Записках Института востоковедения Акад. Наук СССР» (т. VII, М.—Л., 1939, стр. 20—21).

на протяжении последних столетий показывает, что власть родоплеменной общины над принадлежащей ей землей (также пастбищами) была фиктивной и что фактически всеми земельными угодьями распоряжалась феодальная родовая знать. Не останавливаясь детально на этом общем положении, довольно подробно освещенном мною в одной из опубликованных своих работ,¹ отмечу лишь, что приводимые ниже данные о землевладении у каракалпаков подтверждают это общее положение полностью.

Наибольшее значение имеет для нас в данном случае второй документ хивинского архива, также представляющий собою своего рода кадастровую запись, но более подробную в сравнении с предыдущей. Эта вторая ведомость также содержит в себе довольно обширный материал о землевладении в каракалпакских районах, повидимому, в начале второй половины XIX в.

Принцип общинно-родового владения землей и здесь как будто играет существенную роль. Указывается, например, что во владении каракалпакского племени канглы в районе Сары-Чонгуля находится земли 4900 танапов, в «совместном владении» родов беш-сары, череучи, ана, коюн и кайчили в районе Кок-узьяка состоит 13 тыс. танапов, в совместном же владении племен хытаев и кунгратов — около 600 танапов, во владении рода аралбай — 1330 танапов, рода каз-аяклы — 1100 танапов и т. д. Однако в этой же ведомости содержатся и другого рода данные, указывающие, что, несмотря на наличие как бы коллективной земельной собственности, большинство культурных земель в дельте Аму-дарьи составляло фактически частную собственность отдельных лиц, в частности биев, правителей отдельных родовых ячеек. Так, в документе отмечается, например, что бию Абдулле из родового объединения каз-аяклы принадлежит земли 6370 танапов. Из этого количества бий «передал», т. е., очевидно, продал, около 800 танапов нескольким лицам отдельными участками, размеры которых колеблются от 6 до 375 танапов. Кроме того, из общего количества своей земли бий пожертвовал 500 танапов в пользу мечети.

Из сказанного можно установить, что бий Абдулла владел указанной землей на правах мулька, т. е. полной его личной собственности. В том же документе говорится о земле трех биев, одним из которых является упоминавшийся уже выше Абдулла, другой — Джаныбек, из рода беш-сары, и третий Назар, из рода еки-шейх, владевших, повидимому, совместно 5324 танапами. О крупных земельных владениях упомянутого здесь бия Джаныбека говорится и в другом месте данной ведомости. Впрочем, документы хивинского архива показывают, что крупное землевладение в Каракалпакии не было сосредоточено в руках одной только феодально-родовой верхушки в лице биев. Существовали и другие категории крупных землевладельцев, в частности в лице служилой знати, выдвинувшейся на службе в ханских войсках, а также духовенства и баев. Одна из записей говорит, например, о землях некоего Абди-юзбаши («сотника») из племени канглы, владения которого состояли из 1050 танапов. Другой из юзбашей, носивший имя Сары-кулы, из рода аралбай, является собственником 217 танапов, Алаш-юзбаши, из рода коюн, владеет 796 танапами и т. д.

Упоминается также некто Гедей, из рода кайчили, носивший звание мираба и имевший в своем распоряжении свыше 3 тыс. танапов земли. Из среды духовенства наиболее крупными земельными собственниками являлись ишаны, довольно часто фигурирующие в списках землевладельцев. Упоминаются, например, ишаны: Мавлям-кули, Ляtif, из племени канглы, Асгар, из кипчаков, Алла-берген, также из кипчаков, владеющие

¹ П. П. Иванов. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана. Зап. Инст. востоковедения Акад. Наук СССР, т. VI, М.—Л., 1937, стр. 30 и сл.

земельной собственностью в размере от 100 до 300 и выше танапов. Не менее видное место занимает категория мулл. Некто мулла Утеген владеет 1260 танапами земли, мулла Ораз, из рода аралбай, упоминается в качестве землевладельца, собственность которого состоит из 4 тыс. танапов. К числу крупных и средних землевладельцев из духовенства относились также ахунды и шейхи: Бурхан-эд-дин-ахунд владеет 262 танапами, Худай-берген-шейх — 60 танапами и т. д.

Из числа баев наиболее крупным землевладельцем является некто Юлли-бай, из кипчаков-ябу, являющийся собственником четырех земельных участков в районе Сасык-куля, общей площадью около $3\frac{1}{2}$ тыс. танапов. Другой из баев Ток-бай является владельцем 1800 слишком танапов. Прочие баи владеют участками меньшей величины — от 100 до 300 танапов. Приведенными данными список крупных землевладельцев далеко не исчерпывается, однако сказанного достаточно для того, чтобы судить о размерах и степени распространенности крупного мулькового землевладения в Каракалпакии середины XIX в. Чтобы несколько уяснить удельный вес приведенных выше цифр, следует указать, что в той же рассматриваемой нами ведомости встречается также значительное число лиц, земельная собственность которых определяется чрезвычайно скромной цифрой — от $1\frac{1}{2}$ до 10 танапов. Необходимо также иметь в виду, что речь всюду идет о землях поливных, представляющих поэтому чрезвычайно высокую ценность в сравнении с землями, не орошаемыми, и что размеры значительного числа крестьянских наделов в некоторых районах Каракалпакии не выходили обычно за пределы 1—2 танапов, при наличии большого числа безземельных.¹

Из сказанного ясно также, насколько недостаточны и случайны те «статистические» сведения о землевладении, какие встречаем мы у путешественников, посетивших районы Каракалпакии до русского завоевания.

Данные ханского архива показывают, что концентрация земельной собственности в руках феодально-родовой и служилой знати достигала среди каракалпаков к началу второй половины XIX в. максимальных размеров, следствием чего являлись крайняя бедность массы крестьянского населения и зависимость его от численно небольшой группы крупных землевладельцев.

В такой же мере отчетливо может быть отмечена классовая дифференциация среди каракалпаков в части распределения скота. Имеющийся на этот счет материал хивинского архива состоит из нескольких тетрадей с записями налогового обложения владельцев стад. Налоговые списки содержат в себе имена владельцев, с указанием количества принадлежащего им скота, отдельно крупного (мал) и мелкого (кой—собственно баран), иногда с обозначением суммы собранного с них закята.

Представляя собою в массе полуоседлое земледельческое население, лишенное возможности пользоваться обширными степными пастбищами и совершать правильные перекочевки со своим скотом, каракалпаки сосредоточили свое внимание на разведении крупного рогатого скота, обозначаемого хивинскими документами термином «мал», в противоположность мелкому рогатому скоту «кой», используя для этой цели те сравнительно ограниченные кормовые ресурсы, какими располагала дельта Аму-дарьи с ближайшим к ней районом. В этом отношении каракалпакское скотоводство резко отличалось от казахского, где главную роль играли, как

¹ См. по этому поводу цит. работу «Удельные земли Сейид Мухаммед-хана» (стр. 50), а также «Очерк» (стр. 79).

известно, овцеводство и отчасти коневодство, связанные с пастбищно-кочевой системой хозяйства. Каракалпакские районы являлись главным поставщиком крупного рогатого скота на рынки Хивы, тогда как казахи и туркмены сбывали сюда своих овец, лошадей и верблюдов. На преобладающую роль крупного рогатого скота в хозяйстве каракалпаков указывает и тот сравнительно богатый статистический материал, который дается названными выше хивинскими налоговыми списками. В списках встречается значительное число хозяйств, владеющих только крупным рогатым скотом и совсем не имеющих мелкого. Обычно количество крупного рогатого скота у отдельных владельцев колеблется от 10 до 20 и реже от 30 до 60 голов. В тех случаях, когда в одном и том же хозяйстве встречается и крупный и мелкий рогатый скот, наблюдается следующее соотношение: на 40—50 голов крупного рогатого скота приходится 12—100 баранов, или в более бедных хозяйствах на 10—20 голов крупного рогатого скота приходится 20—30 голов мелкого скота. Приведенные цифры распределения скота характеризуют основные группы хозяйств, составляющих подавляющее большинство в имеющихся в нашем распоряжении налоговых списках. Наиболее слабо обеспеченную группу хозяйств составляют, по нашим данным, хозяйства, вовсе лишенные крупного рогатого скота и владеющие только небольшим стадом баранов, в количестве от 10 до 17 голов. Наряду с этим встречается группа хозяйств, владеющая стадами в несколько сот голов. Так, уже упоминавшийся выше ишан ходжа Бурхан-эд-дин имеет 500 голов крупного рогатого скота и 300 баранов, другой из ишанов владеет стадом из 1005 голов крупного рогатого скота и 1500 баранов. Упоминается также ряд биев, ходжей, ясаулбашей, баев и других представителей господствующих групп, поголовье которых достигает также довольно значительной цифры. Таким образом в части распределения скота мы также наблюдаем ту крайне резкую дифференциацию, которую с наибольшей ясностью мы устанавливаем в области землевладения. Так же как и в области распределения земли, наиболее крупными собственниками здесь являются бии, ишаны, ходжи и другие светские и духовные феодалы, державшие в экономической зависимости от себя основную массу непосредственных производителей.

Эксплоатация со стороны феодалов и крупных земельных собственников зависевшего от них и лишенного необходимых средств производства трудящегося населения в Каракалпакии носила крайне разорительный характер.

Докапиталистические формы эксплуатации, господствовавшие среди каракалпаков в рассматриваемый период, были довольно многообразны и, к сожалению, не могут быть полностью характеризованы за отсутствием достаточного материала в наших источниках.

Лишенная основного средства производства — земли, главная масса крестьянского населения, разумеется, находилась в полной зависимости от крупных и средних землевладельцев района. О каких-либо крупных хозяйствах поместного типа на землях каракалпакских биев и других крупных землевладельцев сведений в наших материалах не встречается.

В свое время нам уже приходилось отчасти останавливаться на одном из видов крупного землевладения в Хивинском ханстве — на так называемых ханских или удельных землях, составлявших личную, «удельную» собственность представителей местной правящей династии.¹ Рассмотрение доступного материала показывает, что, несмотря на довольно значительные

¹ П. П. Иванов. Удельные земли . . . , стр. 27—59.

размеры ханского землевладения, крупного хозяйства поместного типа на «удельных» землях хивинских ханов не велось. В зависимости от тех или иных условий, большинство ханских земель эксплуатировалось, повидимому, путем сдачи в издольную аренду из $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ урожая.¹ Лишь в отдельных случаях та или иная часть ханских поместий («садов» или «дворов») обрабатывалась при помощи труда рабов, число которых, однако, не могло быть особенно значительным.² Упоминается, наконец, одна из категорий ханских земель, обработка которых производилась насильственно переселенными на них крестьянами, в числе которых находились и каракалпаки.³

Эта же система издольной аренды, несомненно, господствовала и в прочих категориях крупного землевладения в Хивинском ханстве, например на землях хивинских сановников, в частности на землях известного крупного хивинского землевладельца Мад-Нияза.⁴ Хозяйство Мад-Нияза является показательным особенно потому, что оно располагалось на территории современной Каракалпакии⁵ и, следовательно, может считаться типичным для данного района в период перед русским завоеванием. Широкое распространение издольщины в районах по правому берегу Аму-дарьи, составляющих территорию современной Каракалпакской АССР, засвидетельствовано и официальными данными русской администрации, относящимися к первой половине 70-х годов XIX в., как это показывает исследование О. Шкапского.⁶

Некоторые из путешественников отмечают, что наиболее значительные из каракалпакских землевладельцев имеют свои усадьбы («дворы»), окруженные высокими стенами с наружным рвом, представляющими собою нечто вроде небольших крепостей.⁷ Описание одной из таких укрепленных каракалпакских усадеб сохранилось у одного из путешественников начала 70-х годов XIX в. «Крепость, по словам этого путешественника, состоит из двух частей: одна предназначена под юрты тех каракалпаков, которые на зиму скрываются под защиту крепостных стен; эта часть не имеет никаких построек. Другая же часть — род цитадели: она состоит из прочной глиняной постройки с деревянными потолками, плоской крышей, крытой камышом, сверх которого насыпается земля, приготавливаемая особым способом с саманом».⁸ О каких-либо значительных постройках хозяйственного значения, складах сельскохозяйственного инвентаря, необходимого при ведении большого хозяйства, здесь, как мы видим, ни слова не говорится; ничего нет также о том, чтобы внутри крепостных стен располагались какие-либо хозяйственные угодья. Из слов другого более раннего путешественника (1826) видно, что в своей укрепленной усадьбе хозяин держит «запасы зерна»,⁹ однако этого еще далеко недостаточно для того, чтобы считать такого рода укрепленную усадьбу за барское поместье европейского типа, обрабатывавшееся трудом крепостных крестьян и представлявшее собою единое централизованное хозяйство с барской запашкой и т. д.

¹ Там же, стр. 54—55.

² Там же, стр. 58. Некоторую поправку к данному положению вносит архив хивинских ханов, из отдельных документов которого видно, что рабы играли в поместьях хана довольно значительную роль (П. П. И в а н о в. Архив хивинских ханов, стр. 104—105 и сл.).

³ Там же, стр. 55.

⁴ О. Ш к а п с к и й. Аму-дарьинские очерки. Ташкент, 1900, стр. 121—137.

⁵ Речь идет о районе современного г. Турткуля (б. Шураханский уч.).

⁶ О. Ш к а п с к и й, ук. соч., стр. 118—121.

⁷ Эти усадьбы назывались крепостями (кала).

⁸ Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 249.

⁹ Там же, стр. 134.

Не находя, таким образом, в наших источниках каких-либо данных о существовании крупных централизованных помещичьих хозяйств в Каракалпакии, мы должны будем допустить, что земли крупных каракалпакских землевладельцев также обрабатывались через арендаторов и, в частности, издольщиков (карандэ и ярымчи), как это наблюдалось в отношении земель Мад-Нияза и других крупных землевладельцев Хивинского района.

На распространенность издольных отношений в районах Каракалпакии указывают слова одного из путешественников, который говорит об аренде земли у каракалпаков киргизами (казахами) на условиях уплаты части урожая (от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$).¹ Едва ли подлежит сомнению, что под «каракалпаками» в данном случае разумеется крупная землевладельческая верхушка каракалпакского общества, о действительных размерах земельных имуществ которой мы узнаем впервые из хивинских документов. Факт распространения издольной аренды, являющейся одной из разновидностей докапиталистической формы эксплуатации непосредственного производителя, характерен, как известно, не только для Каракалпакии, но и для большинства районов Средней Азии, и не только середины XIX в., но и позднейшего периода. Лишь во второй половине XIX в. и притом в районах с более развитыми товарно-денежными отношениями (Фергана, Зеравшан) фигура арендатора-издольщика-чайрикера постепенно заменялась наемным рабочим (мардикер), распространение которого в известной мере уже говорило о проникновении капиталистических отношений в сельское хозяйство. В начале 70-х годов наемный труд в сельском хозяйстве существовал и в Каракалпакии,² однако удельный вес его был крайне незначителен. Размеры богатых каракалпакских усадеб-хуторов нашими источниками не указываются, однако на основании данных хивинского архива можно считать, что обнесенная стенами земельная площадь составляла во многих случаях только часть земель, принадлежавших тому или иному крупному землевладельцу. Остальная земля, разбросанная в разных местах, в зависимости от условий орошения, отдельными участками, очевидно, не могла находиться в непосредственном ведении землевладельца и передавалась им другим лицам в аренду в одной из докапиталистических ее форм.

III

Документы хивинского архива не только сообщают нам значительную сумму сведений об экономическом положении обитателей дельты Амударьи, но позволяют также на основе твердо фиксированных фактических данных отметить некоторые особенности в развитии социального строя каракалпакского общества в период хивинского владычества. Тот вид общинно-родового землевладения, о наличии которого говорится в одном из цитированных выше документов, характерен не только для Каракалпакии. Знакомясь с историей аграрных отношений среди узбеков Хивы и других районов Средней Азии, мы имеем возможность убедиться в существовании среди них тех же форм общинно-родового землевладения, что и среди каракалпаков. Разница, однако, заключается в том, что в узбекских районах данная форма землевладения к началу XIX в. почти целиком исчезла, уступив свое место крупному домениальному землевладению слу-

¹ Риза-Кули Мирза. Краткий очерк Амударьинской области. СПб., 1875, стр. 21. — Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 245.

² Риза-Кули Мирза, ук. соч., стр. 28. — Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 246.

жилой знати или государственной земельной собственности,¹ в то время как в районах Каракалпакии общинно-родовое землевладение продолжало в том или ином виде держаться вплоть до начала второй половины XIX в. Второй из наших документов показывает, что экспроприация общинно-родовой земельной собственности отдельными феодалами имела место и в Каракалпакии, подобно тому, как это происходило в соседних узбекских районах столетием раньше. Объяснить удовлетворительным образом устойчивость родовых пережитков в Каракалпакии и связанное с этим обстоятельством наличие здесь более архаических форм землевладения в XIX в. при современном состоянии материалов было бы вообще довольно затруднительно. Не подлежит, однако, сомнению, что пути феодализации каракалпакского общества во многих отношениях отличались от того, что переживали узбеки. В течение XVII—XVIII вв. каракалпаки занимали, как указывалось уже выше, район нижнего течения Сыр-дарьи, находясь здесь в окружении казахов. Насколько позволяют судить источники, весь XVIII в. характеризуется борьбой казахских феодалов против самостоятельности каракалпакской феодально-родовой знати. Однако казахские феодалы слишком много страдали от внутренней борьбы и насилий со стороны русского правительства, чтобы им удалось подчинить всецело своему господству каракалпакскую родовую верхушку. Несмотря на ряд пережитых потрясений, последняя сохранила свою политическую и экономическую самостоятельность и даже возглавила передвижение массы каракалпаков в сторону Хивы, в надежде найти здесь безопасную территорию. Основная масса каракалпаков приблизилась к хивинской территории в начале XIX в. В то время как среди хивинских узбеков уже к началу XIX в. довольно прочно стала складываться централизованная феодальная монархия, явившаяся результатом победы центральной власти над местными феодалами, каракалпаки в начале XIX в. представляли собою конгломерат отдельных разрозненных племен, во главе с несколькими враждебными друг другу биями. Занимая пространство по Яны-дарье между низовьями Сыр-дарьи и хивинской территории, каракалпаки уже во второй половине XVIII в. должны были, с одной стороны, вести упорную борьбу с казахскими феодалами за свою независимость, с другой — продвигаться под их натиском постепенно на юго-запад к Хиве и постепенно размещаться на ее территории. Как в организации борьбы против казахских феодалов, так и в сношениях с хивинским правительством главную роль среди каракалпаков играли бии. Хивинское правительство, воспользовавшись безвыходным положением каракалпакских племен, теснимых казахскими феодалами, без особого труда подчинило их своему господству. Однако, учитывая отдаленность каракалпакских районов и не имея возможности создать здесь собственный административный аппарат, хивинские ханы стремились укрепить свою власть над каракалпаками при помощи каракалпакских же биев и стремились поэтому всячески усилить их власть над народом. Достаточно вспомнить, например, покровительство, оказывавшееся хивинскими ханами бию Айдосту.²

Таким образом, можно отметить, что хивинское господство, окончательно лишившее массу каракалпаков политической самостоятельности, способствовало вместе с тем укреплению феодально-родовой каракалпакской знати, а следовательно, и всех родовых пережитков, уже в значительной мере исчезнувших в это время среди массы узбекского населения ханства. Не подле-

¹ Подробнее об этом см.: П. П. И в а н о в. Удельные земли. . . , стр. 32.

² Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 128 и сл.

жит сомнению также, что если в самой Хиве интересы централизации требовали беспощадной борьбы с местными узбекскими феодалами и полного уничтожения их наследственно-родовой земельной собственности, то в районах отдаленной Каракалпакии те же интересы требовали совсем другого, именно, укрепления политического и экономического могущества каракалпакской знати. Каракалпакский бий утверждался в своей должности ханом и являлся деятельным помощником ханского правительства в части собирания налогов, получая за это соответствующие материальные выгоды. Часть биев выдвигалась на службе в хивинских войсках, что также было связано с приобретением власти среди своих соплеменников и получением соответствующих привилегий от центральной власти, в частности разного рода земельных пожалований.

Лишенная основных средств производства масса крестьянства должна была приступить к освоению новых, совершенно неприспособленных для земледелия пространств в низовьях Аму-дарьи. Вполне понятно, что роль родового феодала, выступавшего в данное время не только в качестве политического руководителя и организатора оросительных работ, но и лица, располагавшего бóльшим достатком, чем окружающая его масса, в таких условиях должна была значительно возрасти.

Таким образом, политическая жизнь каракалпаков во второй половине XVIII и начале XIX в. складывалась в сторону децентрализации власти и укрепления родовых пережитков, что было связано также с укреплением влияния феодально-родовой знати. В этом отношении каракалпакское общество резко отличалось от соседних узбеков, где централизация власти политической уже достигла к этому времени значительных успехов. Было бы, разумеется, странно утверждать, что патриархально-родовой строй у каракалпаков оставался неизменным или что разложение его начиналось только в XIX в. Процесс разложения, разумеется, начался и происходил среди них давно. Однако он под влиянием указанных выше военно-политических событий значительно замедлился. Условия экономического развития каракалпакских районов на грани XIX в. мало благоприятствовали созданию у них единого внутреннего рынка. Неблагоприятные политические условия и упорная многолетняя борьба с суровыми природными условиями, в частности исключительная трудность хозяйственного освоения занятой каракалпаками в начале XIX в. территории, местами почти сплошь затопленной и заболоченной, местами почти совершенно безводной, лишали их возможности достигнуть достаточной хозяйственной обеспеченности. По этим же причинам каракалпаки не смогли создать на своей территории достаточно крупных торгово-ремесленных центров, чтобы через посредство их участвовать в той довольно разносторонней производственной деятельности, которой характеризуется вообще Средняя Азия, в частности Хива, первой половины XIX в. Городская жизнь в Каракалпакии в первой половине XIX в. не успела еще зародиться, ремесло и торговля находились в зачаточном состоянии. Роль денег была ничтожна. Все эти особенности как политической, так и экономической жизни не могли, конечно, не способствовать консервации архаических общественных форм и связанной с ними системы землевладения. Однако упоминания хивинского архива о богачах-баях, являвшихся в то же время крупными землевладельцами, указывают на то, что процесс внедрения товарно-денежных отношений и расширения роли рынка все же в Каракалпакии происходил и оказывал свое влияние на экономику района, однако результаты этого процесса сказывались значительно медленнее, чем в Хиве и других более развитых районах Средней Азии.

К числу характерных особенностей землевладения во всех среднеазиатских ханствах, в том числе и в Хиве, являлось наличие здесь довольно значительного количества так называемых вакуфных земель, составлявших официально собственность различного рода мечетей, мазаров, медресе и других религиозных учреждений, фактически являвшихся важными источниками дохода местного духовенства. В районах Каракалпакии этот вид землевладения, как видно из документов хивинского архива, отсутствует полностью, если не считать уже отмеченного выше отдельного случая пожертвования бием Абдуллой 500 танапов земли в пользу основанной им мечети. Это обстоятельство указывает на невысокий сравнительно удельный вес мусульманского официального духовенства среди каракалпаков, что сближает Каракалпакию середины XIX в. скорее с кочевыми, чем с оседлыми районами Средней Азии. Взамен официального духовенства в районах Каракалпакии довольно видное место занимают руководители дервишских орденов — так называемые ишаны, о крупном землевладении и прочих богатствах которых неоднократно упоминают хивинские документы. Это обстоятельство важно отметить в том отношении, что ишаны при слабости в Каракалпакии официального духовенства должны были являться основными проводниками идеологического влияния хивинских господствующих классов на массу каракалпакского населения. Насколько можно судить по сообщениям хивинских хроник, отдельные хивинские ишаны стали появляться среди каракалпаков в самом начале XIX в.¹ Будущему историку культуры Каракалпакии, может быть, удастся найти отражение дервишской поэзии или философии в народном творчестве каракалпаков или отдельных каракалпакских поэтов.

IV

Из рассказов хивинских историков и отчасти из кратких сообщений европейских авторов нам известно, что жестокая эксплуатация со стороны хивинских феодалов неоднократно вызывала за собой восстания каракалпаков против хивинского владычества. Одно из таких восстаний происходило, как известно, в 1827—1828 гг., другое — в 1855—1856 гг.² Относительно последнего восстания известно, что оно происходило в период наибольшего напряжения политической обстановки в Хивинском ханстве, когда ханская власть переходила из рук в руки и когда все оппозиционно настроенные элементы почувствовали благоприятную обстановку для того, чтобы открыто выразить свое недовольство существовавшим положением. В течение одного только 1272 г. х. (1855—1856 гг.) в Хиве погибло один за другим три хана. Туркменские племена, главным образом йомуты, долгое время страдавшие от произвола ханской власти, повсеместно возмутились, поставив хивинское правительство в чрезвычайно трудное положение. С этим же периодом совпало и восстание каракалпаков.

К сожалению, история каракалпакских восстаний нам известна почти исключительно на основании рассказов хивинских придворных историков, ни в какой мере не заинтересованных в объективном освещении подобного рода событий и даже, наоборот, стремящихся изобразить подобного рода факты как действия чисто преступные, граничащие с грабежом и насилием со стороны восставших якобы над мирным населением. Несмотря на полную неприемлемость такой точки зрения, мы вынуждены пока ограничиться освещением этих событий в свете тех фактов, какие сообщаются нам хивин-

¹ «Очерк», стр. 79 и сл.

² Подробнее об этом см. «Очерк», стр. 83 и сл.

ской историографией, в надежде на то, что со временем нам удастся получить материалы, идущие из противоположного лагеря.

В опубликованных до настоящего времени сообщениях хивинской хроники «Гульшен-и-давлет»¹ соч. Агехи история каракалпакского восстания 1855—1856 гг. изображена лишь с того момента, когда на хивинский престол вступил Сейид Мухаммед-хан (февраль 1856 г.). Данные о предыдущем периоде, именно о начале восстания и первом его периоде, Агехи приводит в другом своем сочинении, не использованном в свое время мною за недостатком времени, а поэтому остающемся до сих пор недоступным для читателя.² Для восстановления полной картины восстания считаю необходимым привести здесь данные из указанного сочинения, названного автором «Собрание султанских происшествий».

20 зуль-хидже 1271 г. (3 сентября 1855 г.) на ханский престол в Хиве, вместо убитого йомутами Абдулла-хана, был возведен Кутлуг-Мурад-хан. Для успокоения йомутов ханом был послан ишан Ибадулла, которому было поручено склонить мирным путем туркмен к подчинению. Почти одновременно с этим хан призывает из Мерва текинцев и отчасти другие туркменские племена, чтобы с помощью их подавить возмущение йомутов.³ С этой же целью в месяце раби 1 1272 г. (ноябрь 1855 г.) против йомутов были направлены из Хивы войска из каракалпаков и аральских узбеков. Посланные прибыли уже в Ходжа-эли (Ходжейли), чтобы двинуться отсюда дальше к Куня-Ургенчу, когда неожиданно поступили известия о том, что среди массы каракалпаков, остававшихся на своих обычных местах, произошло восстание. Инициатива восстания историком приписывается биям. Главную роль в восстании играл бий Эр Назар, из рода колдаулы (или колдаглы), сумевший объединить вокруг себя значительное число людей из других родов и организовавший наступательные действия в сторону хивинской территории. Про Зарлык-хана, возведенного каракалпакскими биями на ханство как бы для того, чтобы объединить и возглавить отдельные каракалпакские племена, говорится как об одном из бедных и ничем не выделявшихся до этого времени казахских «төре», жившем до этого у себя дома. Описывая поведение восставших, Агехи указывает, что каракалпаки стали совершать нападения на проходившие по Аму-дарье торговые суда и забирали находившиеся на них купеческие товары. Значительный интерес вызывает также сообщение историка о том, что каракалпаки объединились с восставшими йомутами, «рассматривая их как своих союзников».⁴ Само собой разумеется, что известие о происшедшем восстании заставило все находившиеся на хивинской службе каракалпакские войска оставить свои места и уйти на родину, что также в значительной мере ослабило военную мощь ханства и усилило позиции восставших.

В качестве одного из эпизодов, связанных с первоначальным периодом восстания, хивинский историк рассказывает о набеге (чапаул) каракалпаков, в составе 2 тыс. конных, на окрестности Шурахана, где восставшие напали будто бы на местных жителей, повидимому кочевников (элят), и угнали у них много скота. Для преследования нападавших ханом были высланы войска из джемшидов и узбеков, а также из числа местного кочевого населения, которые переправились через реку и настигли каракал-

¹ Цит. «Материалы», стр. 136 и сл.

² Общая политическая обстановка в ханстве в этот период подробно изображается в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» (изд. Инст. востоковед. Акад. Наук СССР, т. II, М.—Л., 1938, стр. 551 и сл.).

³ Хивинские хроники Муниса и Агехи (рукопись Инст. востоковед. Акад. Наук, Еб, лл. 513б, 515а).

⁴ Там же, л. 516а.

паков в районе к северу от горы Шейх-Джелиль. После ожесточенного сражения каракалпаки были рассеяны, а хивинские войска 8 числа раби II 1272 г. х. (12 декабря 1855 г.) с богатой добычей и пленными вернулись в столицу.¹

Восстание, повидимому, все же продолжалось, так как Агехи сообщает, что около этого же времени ханом были высланы против каракалпаков новые военные силы, состоявшие из узбеков и туркмен-гёкленов, под предводительством Я'куба-мехрема и Худай-бергена.

Переправившись через реку у Кипчака, хивинский отряд вскоре достиг мазара Кочкар-ата, расположенного на берегу арыка (арна) Як-Ярма, где хивинцы принялись за грабеж окрестного каракалпакского населения (элят). Все взрослое мужское население стало покидать свои насиженные места и разбегаться в разные стороны. Хивинские войска забрали в плен множество женщин и детей и захватили большое количество скота (карамал) и разного имущества. Через несколько дней, т. е. в конце декабря того же 1855 г., войска возвратились со своей добычей в Хиву, где получили от хана щедрые награды.²

Однако и эта вторая карательная экспедиция не принесла желательных для ханского правительства результатов. Восстание продолжало развиваться. Хивинский историк рассказывает, что около тысячи каракалпакских всадников, во главе с Зарлык-ханом, присоединилось к восставшим йомутам, чтобы организовать совместные действия против ханских войск. Такого рода объединение настолько ухудшило положение хивинского правительства, что заставило его в середине декабря оставить крепость Ходжейли, где до сих пор содержался гарнизон.³ Таким образом, вся северная часть ханства оказалась во власти восставших йомутов и каракалпаков. Контакт, установившийся между восставшими каракалпаками и йомутами, оказался, однако, непрочным. Как видно из слов хивинского историка, между каракалпаками и частью их союзников произошла ссора, в результате которой йомуты произвели нападение на каракалпакский отряд и лишили будто бы его лошадей и оружия. Из дальнейших слов Агехи видно, что некоторая часть каракалпаков вместе с Зарлык-ханом направилась к одному из виднейших йомутских предводителей Ата-Мурадхану и встретила с его стороны сочувственный прием. Таким образом, хотя происшедшее обострение каракалпакско-йомутских отношений не отражало собою как будто настроения всех йомутов, видную роль среди которых играл хан Ата-Мурад, тем не менее оно нанесло, повидимому, непоправимый удар завязавшемуся было их объединению на почве борьбы с ханским правительством. Это видно уже из того, что дальнейшие сведения о совместных действиях туркмен и каракалпаков в хивинской хронике отсутствуют.

В дальнейшем каждый из народов продолжал действовать против хивинцев самостоятельно за свой риск и страх и каждый в отдельности потерпел поражение. Вскоре после убийства хана Кутлуг-Мурада и воцарения нового хана Сейид Мухаммеда (12 февраля 1856 г.) среди восставших каракалпаков наступил раскол, вызванный, повидимому, различного рода противоречиями среди правящей верхушки. Значительная часть биев, примкнувшая сначала к Эр-Назару, теперь открыто выступает на защиту интересов хивинских феодалов и вступает в борьбу с восставшими. Начавшаяся, таким образом, междоусобная война в лагере восставших была умело

¹ Там же, лл. 517а—517б.

² Там же, л. 517б.

³ Там же, л. 519а.

использована ханским правительством для окончательного подавления восстания, как это уже было описано мною в другом месте.¹

Возвращение ханских войск после окончательного подавления восстания относится хивинским историком к 19 шаввала 1272 г. х. (23 июня 1856 г.). Свой рассказ о подавлении восстания хивинский историк заканчивает словами о том, что «все прибывшие с войсками эмиры, бии и старшины были допущены к хану и удостоились его щедрых наград».²

Об этих «щедрых наградах» каракалпакской знати, содействовавшей подавлению восстания и засвидетельствовавшей затем свою преданность ханскому правительству, сохранились любопытные данные в хивинском архиве. Одна из тетрадей, относящаяся к шаввалю 1272 г. х., содержит в себе список лиц, получивших денежные награды из ханского казначейства. Размер денежных выдач отдельным биям колеблется от 5 до 50 тиллей, смотря, повидимому, по «заслугам» и занимаемому положению. Чрезвычайно большое место в списке занимают бии различных родов племени хытай, игравшие, повидимому, значительную роль в деле ликвидации восстания. Насколько значительны были разногласия среди каракалпакской правящей верхушки в вопросе о восстании, — можно судить, в частности, по тому факту, что в списке награжденных встречается имя одного из биев рода колдаулы, из среды которого, как известно, вышел главный организатор и руководитель восстания бий Эр Назар. Здесь же упоминается некий мулла Махмуд, также в числе представителей поколения колдаулы.

Наряду с каракалпакской знатью, в списке видное место занимают также бии аральских узбеков и казахская феодально-родовая верхушка, во главе с Тöre-Султаном и Азберген-бием. Из этого видно, что одновременно с усмирением каракалпакского восстания ханское правительство стремилось обеспечить себе поддержку со стороны знати окружающих племен на случай, если восстание будет развиваться снова. Являясь неопровержимым доказательством той предательской роли, какую играла феодально-родовая верхушка в деле подавления восстания, рассматриваемые нами архивные записи содержат в себе также ценный материал об административно-политическом устройстве и социальной структуре каракалпакского общества в рассматриваемый период и с этой стороны представляют значительный интерес для будущего историка.

К числу источников, еще не привлекавшихся исследователями при изучении новой истории каракалпаков, следует отнести также различного рода народные предания, а также некоторые из произведений каракалпакских народных поэтов. Собираением этого рода исторических материалов занимаются в последнее время сотрудники Научно-исследовательского института Наркомпроса Кара-Калпакской АССР К. Аимбетов, У. Кожуров и Н. Даукараев, записавшие в различных районах Каракалпакии большое число различного рода памятников народного творчества, в том числе и интересные нас произведения исторического характера.

Из произведений народного творчества для истории представляет некоторый интерес «Шеджре» («Родословная») каракалпаков, один из вариантов которой является уже опубликованным,³ хотя и продолжает еще оставаться неиспользованным для целей исторического исследования. Вновь обнаруженный вариант родословной состоит из двух более или менее независимых друг от друга частей, одна из которых посвящена происхождению и исто-

¹ «Очерк», стр. 86—88, там же стр. 135—139.

² Там же, стр. 139.

³ Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. 4, Асхабад, 1917, стр. 46 и сл.

рии каракалпакского племени кунград, другая касается второго из крупных каракалпакских племенных объединений — «он торт уру» («четырнадцать родов»). Обе «Шеджре» пока еще не восстановлены полностью, однако есть надежда, что это удастся сделать в ближайшем будущем. Третья из известных нам версий «Шеджре» принадлежит одному из самых популярных поэтов Каракалпакии XIX в. Берды Мураду, известному обычно под своим литературным прозвищем Бердак-баксы. Представляя собою художественную обработку народного предания, «Шеджре» Бердак-баксы содержит в себе также значительный материал для характеристики общественно-политической и хозяйственной жизни каракалпаков в период господства хивинских ханов. Поэт проникнут состраданием к своему народу, постоянно испытывавшему на себе притеснения со стороны своих более многочисленных и сильных соседей и никогда «не живавшему и ста лет на одном месте».¹

Бердак-баксы отзывался также и на более близкие ему по времени выдающиеся события в жизни своего народа. Перу названного поэта принадлежат две широко известные среди современных каракалпаков исторические поэмы — «Айдост» и «Эр Назар». В первой из них дается художественное изображение уже упоминавшегося выше восстания каракалпаков в 1827—1828 гг., во главе с бием Айдостом. Героем второго названного произведения является также уже упоминавшийся выше известный предводитель восстания 1855—1856 гг. бий Эр Назар, из кунградов, рода колдаулы. В поэме «Айдост», между прочим, обращает на себя внимание резкое расхождение в изложении событий между автором рассматриваемого произведения и официальной хивинской исторической хроникой Агехи. По сообщению хивинского историка, во главе восстания 1827—1828 гг., с момента его начала до окончательного подавления, стоял бий Айдост, ответивший будто «черной неблагодарностью» на все оказывавшиеся ему ранее ханские милости и за это обезглавленный затем хивинцами. В восстании принимают участие также двое сыновей Айдоста, из которых один гибнет во время неудачной осады хивинской крепости Кунграда, а другой в это же время попадает к хивинцам в плен.² В противоположность этому сообщению хивинского историка, в поэме рассказывается, что, когда началось восстание, — во главе его становятся сыновья бия Айдоста. Обманутый будто бы ханом бий убивает своих сыновей и таким образом, в угоду ханскому двору, ликвидирует восстание. В соответствии с таким изложением событий, Айдост изображается в поэме в качестве низкого изменника, предавшего из личной выгоды интересы своего народа, не остановившегося даже перед изменническим убийством своих сыновей.

В чем заключается действительная причина такого рода резко отрицательной оценки личности Айдоста и какая из двух приведенных выше версий окажется более близкой к исторической истине, — об этом можно будет судить лишь после того, как историку будет доступен полный критически изданный текст рассматриваемой поэмы Бердак-баксы, известный пока нам лишь по отдельным случайным отрывкам или краткому пересказу.³

¹ Излагаемые здесь сведения почерпнуты мною отчасти на месте, во время кратковременного пребывания моего в Каракалпакии в 1938 г., главным же образом из писем К. Аимбетова и У. Кожурова, любезно поделившихся со мною некоторыми результатами своих изысканий в области народного творчества каракалпаков. Некоторые из приводимых здесь сведений содержатся в статьях Н. Даукараева и У. Кожурова в газете «Советская Каракалпакия» от 6 и 20 апреля 1939 г.

² Материалы по истории каракалпаков, стр. 128—133.

³ См. цит. статью в «Советской Каракалпакии» от 20 апреля 1939 г. Некоторые дополнительные сведения об этом содержатся также в указанных письмах К. Аимбетова и У. Кожурова.

Героем другой названной выше поэмы Бердак-баксы является, как уже указывалось, предводитель восстания 1855—1856 гг. бий Эр Назар, роль которого также довольно подробно изображена в хивинской придворной истории. В полную противоположность Айдосту, бий Эр Назар изображается в поэме Бердак-баксы в качестве самоотверженного борца за интересы своего народа, постоянно страдавшего от насилий ханского правительства. Эр Назар участвует в восстании, возглавляет его вопреки воле большинства каракалпакских биев, к составу которых он принадлежал и сам. Восстание не имело успеха, по словам поэмы, потому что «шестьдесят биев», во главе с Ниязом и Каракум-ишаном, составили против восставших заговор и помогли хивинским военачальникам покончить с Эр Назаром, после чего восстание было подавлено. Это повествование об Эр Назаре в основных чертах подтверждается не только официальной хивинской историографией, но в известной мере также вновь обнаруженными документами хивинского архива, как это отчасти отмечалось выше.

Из прочих произведений каракалпакских народных поэтов с исторической точки зрения представляет интерес весьма распространенная среди каракалпаков поэма «Боз-отау». Автором поэмы является также широко известный каракалпакский поэт XIX в. Ажи Нияз (собств. Хаджи Нияз), получивший образование в одном из хивинских медресе и носивший даже звание ахунда и тем не менее сумевший создать одно из самых популярных и близких народу произведений, каким является рассматриваемая поэма «Боз-отау». Сюжетом поэмы послужил один из грабительских набегов хивинских войск на каракалпакскую территорию. В поэме изображена картина массового ограбления и избиения жителей, угон скота и увод в плен женщин и детей. Уцелевшая часть жителей спасается бегством. Поэт подробно описывает печальное прощание уходящих со своими родными местами, а также изображает горе уведенных в неволю детей и женщин. Значение поэмы для истории каракалпаков определяется в значительной мере также тем, что здесь дается чрезвычайно подробное и правдивое изображение старого народного быта — область, как известно, почти совсем не затрагиваемая какими-либо другими известными нам источниками.

В заключение необходимо отметить, что независимо от характера и объема фактического материала, сообщаемого нам старыми народными историческими произведениями каракалпаков, ценность их заключается в том, что они отражают собою взгляды самого народа на значение тех или иных переживавшихся им событий и вносят таким образом весьма существенный, а в ряде случаев даже необходимый, корректив в известные нам официальные, схематично-сухие и тенденциозные сообщения хивинской придворной историографии. Следует, поэтому, пожелать, чтобы производившаяся в течение ряда последних лет в Каракалпакии работа по собиранию различного рода исторических преданий, независимо от того, являются ли эти произведения продуктом безличного народного творчества или принадлежат отдельным народным поэтам, была по возможности в ближайший срок завершена соответствующим научным изданием текстов. В этом деле навстречу каракалпакским молодым исследователям, вероятно, могли бы пойти и Академия Наук СССР и другие научно-исследовательские учреждения.